

**Архангельская А.С.
ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ И ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ**

УДК 215

ОТ АВТОРА – приглашение к размышлению.

Этот текст – приглашение, жест гостеприимства – с доверием к гостю.

Приглашение поразмыслить и, быть может, вместе помолчать, поддавшись давно зревшему в Вас желанию поискать ответы на вопросы, на которые нет ответов, однозначных во всяком случае.

Смогу ли я ответить на вызовы свыше или своего времени? Откликнуться и понять «шифр» этого вызова? Зачем я пришел в этот мир? В чем смысл человеческого бытия? Если все мы смертны, не абсурдна ли и сама жизнь и поиск ее смысла? Почему Зло бывает привлекательней Добра и почему Добро обречено на вечную борьбу со Злом? Почему контрагентом Любви является Долг, или, как говаривал старый Лис маленькому принцу, «мы в ответе за тех, кого приручили»?...

По-разному их называют – то вечными, то проклятыми, как считал их Гейне, а Федор Михайлович Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» назвал их «последними».

Уж «сколько их явилось миру» – попыток найти ответы, сколько светлых голов человечества предлагало если не исчерпывающие ответы, то по-новому поставленные вопросы.

Ведь кроме вечных вопросов есть и вечные ценности. Это, прежде всего, Истина, Добро и Красота, хотя для человека верующего – на первом месте остается Любовь, ибо и Истина для него – это Бог. Кроме вечных ценностей есть относительные, преходящие, такие, как «Власть», «Деньги» и «Слава» («Sic transit Gloria mundi» - так проходит мирская слава). А что для нас является высшей ценностью? Когда-то Протагор воскликнул: «Человек – есть мера всех вещей!»

Но мы живем в мире нарушенной гармонии Человека и Природы, когда под сомнения ставятся сами возможности человеческого Разума, а понятие «Ноосфера» (или: «Сфера Разума») уже не звучит столь обнадеживающе, как во времена придумавших это слово Тейяра-де-Шардена и Владимира Вернадского. Теперь мы вправе задаться вопросом «Насколько разумна сфера Разума?», а следовательно, и человек, носитель Разума, разве может быть мерой всех вещей? Этой мерой явиться, может быть, даже не сам Человек и его высшие ценности: Благо (Добро), Истина и Красота? Может быть сама Жизнь как высшее Благо, а если сохранится Жизнь, то найдутся силы и для поиска истины и для любования Красотой? А свобода воли, ее «невыносимость»? Еще Августин пришел к выводу, что именно свобода воли, дарованная человеку Богом, служит источником всех зол на Земле. И тогда оказывается – это бремя свободы для нас непосильно? Как видишь, дружище читатель, вот еще один парадокс, в который невольно попадает автор, осмелившись прикоснуться к одной из сложнейших задач, давно мучающих обладателей тех самых светлых голов и сердец, через которые проходят трещины мира. Принято считать, что именно поэтам дано раньше признанных философов и ученых своего времени ощутить неблагополучие мира. Не об этом ли в разных переводах Шекспир устами Гамлета восклицал: «Неладно что-то в королевстве Датском!» или «Какая-то в державе Датской гниль!...».

Проклятие вечных проблем, как ни странно, несет в себе столь же благотворный потенциал, сколь бывают более мощными и более динамичными не стимулы, а именно антистимулы. Как известно, связующей красной нитью через все творчество Достоевского проходит мысль: «через Страдание – к Радости».

Но есть еще один вывод, к которому пришел Федор Михайлович, вложив его в восклицание одного из братьев Карамазовых – Митеньки-Дмитрия:

«Широк русский человек, слишком широк, я бы сузил...».

Эта широта как обозначение парадоксально переплетенных существенных различий и даже противоречий. Она обнаруживает себя в сопоставлениях тех неразлучных «супружеских» пар, очень емких понятий, этики и эстетики, вернее философских категорий, чей «развод» практически невозможен. А уход одной из половинок влечет, увы, очень скоро за собой угасание другой.

I. ЧТО ЕСТЬ СМЫСЛ НАШЕГО БЫТИЯ?

Поиск своего пути.? В профессии? Гармонии в семье? Самореализации в творчестве? И, наконец, просто достойная жизнь и осознание и достоинства смерти.? Стремление к единению с Природой?

«Цель творчества – самоотдача,
а не шума, не успех»...

Б. Пастернак

Если для философии «постигнуть смысл жизни... есть самое важное и единственное дело», то «выбираемый нами смысл» является высшей ценностью – право выбора подлинного бытия – так думал Николай Бердяев. ЗАЧЕМ Я ПРИШЕЛ (или был послан?) в этот мир?

Для того чтобы яснее выразить мою авторскую позицию по отношению к этому первому из т.н. проклятых вопросов, предлагаю присмотреться к взаимной связи 3-ех следующих ступенек, или уровней самости, как осознания своего «Я». Итак, вот три уровня самости: Первый – САМОПОЗНАНИЕ через самооценку; Второй – САМОРЕАЛИЗАЦИЯ через самодисциплину и даже самоконтроль, и наконец, третий, самый высокий – САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ, как подвижничество. Причем подвижничество проявляет себя во всех видах человеческой деятельности, но особенно – в НАУКЕ (фундаментальной), в ИСКУССТВЕ (но НЕ в шоу-бизнесе), в мировых религиях (монашество), в служении детям (особенно –

большим) – и в семье и в педагогике и в медицине. Этот уровень самореализации потому и самый высокий, что требует бескорыстной преданности избранному роду деятельности. И так, – вот три ступеньки невидимой глазу лестницы (или, как это принято в отечественном богословии – ЛЕСТВИЦЫ), ведущей, как известно, не только вверх, но и вниз. По этому пути можно как найти себя и своё призвание, так и легко его потерять. Потеря СМЫСЛА своего бытия, наверное, горше, чем Неумение, Нежелание и Неспособность его найти.

Каждая из этих ступенек – или та, что пониже или та, что повыше предыдущей, – обуславливают друг друга, а тонкие нити их связи иногда рвутся. Не выдерживают тяжести этой взаимозависимости. Просто каждая из них может существовать сама по себе, почти независимо от другой. Но раз здесь речь идёт о смысле бытия, о поиске своей дороги, о смысле своей жизни, то нельзя забывать и о НЕБЫТИИ, о связи жизни и смерти. Если человек – единственное существо на земле, которое способно осознать, что он рано или позже обречен на смерть, то стоит ли искать смысл своего бытия? И так, ПЕРВЫЙ из столь же вечных, сколь и проклятых вопросов: В чем смысл моего прихода в этот мир? Моего бытия?

Вот что о взаимообусловленности вопроса о смысле жизни и смерти сказано у Владислава Свешникова в книге «Прикосновение веры» – «Смерть и умирание представляют собою для сознания и интуиции нечто странное и невероятное, с чем, кажется, невозможно согласиться. Бытие не хочет понять небытие... И разум и сердце каким-то особым образом, особым знанием знают, что душа бессмертна. Жизнь ищет нескончаемости. Жизнь ищет бессмертия... есть некая высшая форма жизни, переход которой осуществляется через безобразную катастрофу смерти. И окончательные разрешения всех подлинных жизненных целей совершаются в этой бесконечной и вечной форме бытия – в бессмертии»

Но это – речь богослова, и она звучит убедительной для тех, кто верит или хотя бы с уважением относится к самому понятию «вера». Даже если, будучи атеистом (или – агностиком) человек не отрицает права на богоискательство у других людей. Гораздо проще о том, что означает для человека сама мысль о собственной смерти, сказано в одном из лучших романов Александры Марининой: «...Бог создал смерть, чтобы люди научились любить и ценить жизнь только, в сравнении со смертью Вы, постигаете красоту и очарование жизни».

А у Антона Павловича Чехова в самом конце последнего, четвёртого действия его пьесы «Вишнёвый сад» есть строки, в которых поэзия перекликается и с прозой, а вместе они несут в своём подтексте вполне метафизический смысл: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву. Занавес.»

II. ДОБРО и ЗЛО.

Почему ЗЛО столь часто оказывается и сильнее и привлекательней ДОБРА? У личностного ЗЛА больше масок, чем у Зла социального? Добро как великодушие и благодетель, бескорыстие и добро как добродетель.

«Побеждай зло добром...»
апостол Павел

«Когда делаешь что-то доброе, Небеса помогают»
Б. Тодоров

Еще очень древние греки считали главными добродетелями Мудрость, Мужество и Справедливость.

Зло как злодеяние, как грех, как порок и преступление. Насилие и как крайняя его форма – террор, который если и не вечен, то пока непобедим? Но почему же зло в лице отрицательных героев зачастую привлекательнее тех, кого принято называть положительными? И многие актеры предпочитают играть персонажей с так называемым отрицательным обаянием? В чем сила «мефистофельского» начала? И должно ли «добро быть с кулаками», как писал Шекспир? «Существует только один Бог – Знание, и только один дьявол – невежество» - эта мысль принадлежит Сократу.

«Сократ, если верно то, что мы о нем знаем, нисколько не смущаясь, говорил своим ученикам на афинской агоре, что они смогут добродетельно поступать только тогда, когда научатся философствовать.

Как многие из нас, далёкие от знакомства с книжной премудростью (а с античностью тем более!) даже и не подозревают, как сама жизнь учит их философствовать! Да хотя бы в том, что мы начинаем задавать себе два простых вопроса. Первый: «Кто виноват?» и второй: «Что делать?» И как редко мы готовы обвинить самих себя в наших неурядицах! И потому так трудно найти ответ на 2-ой вопрос... Но все наши попытки искать ответы на эти вопросы, неизбежно приводят нас почти ко всем другим т.н. «проклятым» вопросам.

Таблица № 1. Феномен духовности, как проявление подлинной интеллигентности.

	Духовное	Бездуховное
1	Установка на другого	Установка «на себя»
2	Понимание смысла	Понимание языка
3	Поиск согласия с «другими»	Подчинение «другого»
4	Любовь	Сексуальное влечение
5	Альтруизм	Эгоизм
6	Дружба	Использование

	Духовное	Бездуховное
7	Общение	Коммуникация
8	Нравственность	Аморализм
9	Творчество	Конструирование
10	Эстетическое удовольствие	Физиологическое наслаждение
11	Бескорыстие	Корысть как жажда обладания
12	Диалог	Диктат монолога

В дополнение к тексту о Добре и Зле – предлагаем соотношение понятий Духовного и Бездуховного. Здесь – как выявление смысла подлинной интеллигентности в сопоставлении двенадцати антиподов. Одновременно эта схема открывает нам возможность задуматься о том, что уже способность «установки на другого» – есть проявление Добра в человеке, а «установки на себя» – это не только эгоизм, но и потенциальная возможность проявления Зла.

Эта схема-таблица предложена М.С. Каганом в его последней книге «Метаморфозы бытия и небытия», нами несколько дополненная.

Таблица № 2. Зло как категория нравственности.

	Социальное зло	Личностное зло
М И Р О В О Е З Л О	1. Агрессия	1. Эгоизм и эгоцентризм
	2. Насилие (как экстремизм)	2. Предательство
	3. Терроризм	3. Коварство
	4. Социальное неравенство	4. Малодушие
	5. Двойные стандарты	5. Лицемерие
	6. Религиозная нетерпимость	6. Неблагодарность
	7. Классовая ненависть	7. Жестокость
	8. Расизм	8. Лень
	9. Национализм	9. Зависть
	10. Фашизм	10. Высокомерие
	11. Нищета	11. Необязательность
	12. Несвобода	12. Снобизм

III. ПРИРОДА – ХРАМ или МАСТЕРСКАЯ?

Без своего сына – Человека она может погибнуть, а с ним она гибнет уже давно? Способна ли ПРИРОДА мстить человеку?

«Деревья! К вам иду! Спасись
От рева рыночного...
К вам! В живоплещущую ругу
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!»

М. Цветаева

Достижимо ли, равновесие между человеческой жаждой познания и девственной целостностью природы? Наступит ли эра Милосердия человека-сына по отношению к своей матери-Природе? Или в самом существе технократической цивилизации закодировано дьявольское проклятие? А в принципах и основаниях общества потребления заложена невозможность, недостижимость Гармонии человеческих потребностей и природных возможностей? Но, быть может, чем виднее доньшко исчерпанности ресурсов материальных, тем виднее свет в конце тоннеля ресурсов духовных? И человеческих и природных?

Если признать, что природа и источник и фактор ценностного мировоззрения «космической гармонии», естественно возникает вопрос: не устарела ли позиция Генри Торо, что приближение к природе способствует приближению человека к «космическому порядку», а контакт человека с природой воплощает трансцендентный идеал, красоту и непорочность.

«...И неясно, что им делать – или плыть, или тонуть;
корабли без капитанов, капитан без корабля; Надо заново
придумать некий смысл бытия»

Группа «Агата Кристи»

Через трагических событий первого десятилетия нового века, связанных с природными катаклизмами – это пробуждение вулканов, резкие перепады климата – от невыносимой жары к наводнениям, и, наконец – Япония – 9-е бальное землетрясение и цунами. Невольно задаёшься вопросом: Что дальше? Не об этом ли (задолго до японской драмы) пели ребята из группы «Агата Кристи» «...И неясно, что им делать – или плыть, или тонуть; корабли без капитанов, капитан без корабля; Надо заново придумать некий смысл бытия».

Вот моя грустная и не очень научная гипотеза: Когда-то очень древние евреи вынуждены были уйти из Египта. И выжили, а много позже построили своё государство. Для современных японцев необходимость искать пристанища на суше других, разных континентов – становится очевидной.

Может быть, японцы вынуждены будут обрести новый смысл бытия в исходе? Оставить в одиночестве свои прекрасные высотки-небоскребы, которые только гнулись, как деревья в ураган, но не падали. Вот такую сейсмостойкость японцы добились не только в строительстве высотных домов, но и в выстраивании своего характера, своей самодисциплины. Это сейсмостойкость их ментальности, а не просто привычка к предыдущим землетрясениям.

IV. Почему ВОЗВЫШЕННОЕ и НИЗМЕННОЕ в искусстве и человеческих отношениях связаны неразрывно? Разве они произрастают из одного корня?

«Тьмы низких истин нам дороже
нас возвышающий обман»;
«... и в поэтический бокал //
воды я много подмешал»

А. Пушкин

«Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, не ведая стыда»;

А. Ахматова

Какой смысл и какие преимущества у парочки таких понятий, как ВОЗВЫШЕННОЕ и НИЗМЕННОЕ, по традиции, со времён Гегеля относимые к ЭСТЕТИКЕ? На самом деле они в НЕ меньшей степени относятся и к ЭТИКЕ. Но начнём сначала с некоторого «преимущества» категории Низменного по т.н. гамбургскому счёту место, которое занимает это понятие в современном мире – более заметное (если не определяющее). У Эпикура есть размышление, которое гораздо легче поддаётся расшифровке, чем наши эпитафии:

«Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые... неправильно понимающие, но мы понимаем свободу от телесных страданий и от душевных травм. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения всеми яствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее (лживые) мнения, от которых душу объемлет величайшее смятение».

Чувство Возвышенного вызывает у нас не только величие человеческого духа, совершающего подвиги, но и открывающийся внезапно, при повороте дороги вид уходящих в небо снежных горных вершин или бесконечность морской и особенно – океанской шири. А высокое, пронзительно голубое небо, умытое после дождя с плывущими по нему громадами причудливо изогнутых кораблей-облаков – с мастерской подсветкой солнца? Когда видишь это или из окна самолета или даже из окна маршрутки... Природа способна дарить нам эти чувства – восторг, иногда смешанный с трепетом ужаса при виде надвигающегося урагана. Страх и трепет – это уже не столь возвышение души, сколь ее унижение. Не здесь ли таится источник странного и порою противоестественного срастания поэзии и прозы, возвышенного и низменного?

«Пошлость включает в себя не только коллекцию готовых идей – писал Набоков – но также и пользование стереотипами, клише, банальностями, выраженными в стертых словах». Характеристикой пошлости, по Набокову, являются посредственность и конформизм, но пошляк, добавляет он, известен и другим: он псевдоидеалист, псевдострадаец, псевдомудрец.

* * *

К теме соотношения возвышенного и низменного относится и наша попытка «расшифровать» феномен величия духа и определить как он рассматривается в философии истории, и в философии искусства. Дело в том, что само понятие «величие» вообще, а «величие духа» в особенности, если и употребляется, то, как правило, в нравственном (но не моральном), этическом плане, и не столь в строго теоретических трудах, сколь в исповедально-автобиографических, написанных в стиле эссе (от «Исповеди» Августина – до Анатолия Наймана). Кстати, именно в его мемуарах, посвященных другу юности Иосифу Бродскому и названных «Славный конец бесславных поколений», Найман, выражая сомнение в адрес великих исторических деятелей вроде Наполеона, признается, что «... линия рисунка, которую оставляет печать величия, обнаруживает себя разве что на Ахматовой, в том виде, как мы это представляем по художественной литературе». Таким образом, особая сложность, с одной стороны, и не менее особенная привлекательность этой темы, с другой, как раз и заключается в том, чтобы попытаться соотносить разные подходы к проблеме, по нашему мнению – неисчерпаемой. Причем, не очень жалуя известное выражение «на стыках», автор предпочел бы более деликатное «intertouch», метод так называемых взаимокасаний – для обозначения тех или иных зон пересечений.

Разумеется, легче всего подбираться к проникновению в сущность этой величественной и таинственной «вещи в себе» по ступенькам пересечений. Если читатель готов принять **метафору лестницы, ведущей в глубь** исследуемого объекта, тогда в качестве этих ступеней могут быть предложены следующие обозначения. Возьмем для определения исходной ступеньки латинское *magnitudo* или *magnitudish*, что в переводе означает «величие души», а также «мощь, могущество, значительность» или, как мы сказали бы

сегодня, «масштаб личности». И тогда в этот масштаб вмещаются и гений, и благородство, и великодушные, если говорить о светском варианте общепринятого. В вот если выйти за ворота мирского понимания и приблизиться к ступенькам религиозной этики, тогда обнаруживают себя и более глубинные: самоотверженность и самоотречение и, наконец, подвижничество. Надо сразу отметить, что нравственное величие для обозначения масштаба личности может быть отнесено не только к подвижничеству служителей церкви, но и к самоотречению в науке и философии. Здесь уместно сослаться на Канта, который, размышляя о номинальной дефиниции возвышенного в своей «Критике способности суждения», подчеркивал: «но быть большим и быть величиной это два совершенно разных понятия». Задолго до Канта в трагедии Шекспира «Гамлет» Офелия воскликнет: «Какого обаянья ум погиб! / Соединенье знаний, красноречья и доблести / Наш праздник, цвет надежд, / законодатель вкусов и приличий...». Здесь не останется места говорить о так называемом «безумии» Гамлета, о противоречивости гордиева узла безумия и притворства. Нам важно было подчеркнуть значимость соединения знаний и доблести.

И здесь оказывается, что как раз пересечение антропологии и аксиологии в зонах трех пар этических и эстетических ценностей, к которым относится незаслуженно забытая проблематика величия не только в индивидуально-личностном, но и в социально-психологическом планах, именно сегодня наиболее востребовано. Причем эта востребованность осознается на самых разных уровнях; по-видимому, перенасыщение тем духовным раздраем, который оставляют после себя игрища столпов и последователей идеологии масскульта, достигло своего апогея. Одним из «вызовов времени» и является «апология человеческого», а величие духа – как раз в зоне «intertouch», взаимокасаний этического и просветительского и реального воплощения величия духа, или отдельной личности, или целого народа в переломах истории.

V. ЛЮБОВЬ и ДОЛГ:

Если из семьи уходит любовь, семья становится безнравственной? Или ДРУЖБА важнее любви?

«Вы так вели по бедорожью,
Как в мрак падающая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем – никогда»

А. Ахматова

Может быть, согласиться с Платоном, что «Эрот – самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги? Но почему в том же диалоге «Пир» в речи Аристофана сказано: «исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем»? Наверное, чтобы попытаться понять природу этих недугов, от которых только Любовь может дать исцеление, следует хотя бы перечислить «великолепную семерку» основных разновидностей любви. Итак, если подходить с позиции религиозной христианской этики, то, прежде всего, это божья, или божественная, любовь или, как говорил евангелист Иоанн, «Бог – есть любовь». А мирской подход требует перечня разновидностей любви начиная с чувственной, т.е. половой любви, с которой по традиции и связывают такие понятия, как эротика и эротизм.

Но разве родительская, почти по Фрейдю, а особенно материнская любовь к сыновьям, лишена чувственности? А любовь отеческая к дочерям, к единственной дочери, разве не связана с понятием «подкаблучничкизм...», т.е. невольное подчинение чувству, а не разуму, в том числе и противоречие здравому смыслу? Итак, мы назвали три главных вида любви: божественная, половая (эротика) и чувственная как родительская. Но есть еще любовь к отечеству, любовь к Природе, есть трудолюбие, и, увы, корыстолюбие и честолюбие, и, наконец, *filea* – любовь к мудрости, т.е. философия.

Какое же место во всем этом «хороводе» любовью отводится Долгу? Почему Долг, как правило, осознается как контрагент Любви? Разве с этикой Долга мы не связываем такую, очень близкую ко всем Любвям дефиницию, как «Забота»? Но ведь Долг есть, прежде всего ответственность, а следовательно, и столь далекое от чувственной стихии эротизма понятие «Обязательность». И вот здесь нам не обойтись без Канта, в этике которого не меньше дюжины разновидностей Долга, и этот перечень он тоже начинает с долга перед Богом. Но для нас здесь особенно важна не только разновидность долга человека «перед самим собой», но «деление обязанностей любви», а они оказываются следующими:

- долг благотворения;
- благодарности;
- участия.

Естественно, говорил Кант, любовь есть ощущения, а не воления, и я могу любить не потому, что хочу, и еще в меньшей мере – что я должен; следовательно, долг любить – бессмыслица. Благоволение же (*amor benevolentiae*) как действие может быть подчинено закону долга. Однако часто бескорыстное благоволение к человеку также называют любовью. О долге человека «перед самим собой»: включает в себя благотворение, благодарность и участие, как прекрасную госпожу Заботу, тогда Любовь и Долг перестают быть контрагентами. Долг человека «перед самим собой» Кант обосновывал следующими тремя ипостасями:

- ложь (в том числе самообман);
- скупость (в том числе, когда мы обкрадываем самих себя, лишая столько радостей бытия!);
- раболепие. Это странное слово в сегодняшнем сленге переводится как подхалимаж, не только перед начальством, а также любое унижение собственного человеческого достоинства.

А какая же любовь не подлинная, или мнимая? Все разновидности влюбленностей мужчин и женщин? Все оттенки эротического? Но эротика и Нравственность – очень дальние родственники, скорее «седьмые воды на киселях»... и разве что для такого феномена, как Преданность (но не предательство!) можно предложить формулу: «Преданность – это Долг + Любовь».

VI. ОДИНОЧЕСТВО – мать совершенства?

Или крест, который по плечу только гениям? А Уединение – есть Благо не только для творчества? Но и для всего Человечества, устающего от самого себя в мегаполисах?

«О, одиночество,
Как твой характер круг.»
Б. Ахмадулина

Если одиночество – не просто несчастье, а настоящая драма, когда оно связано с нищей старостью или пребыванием в роли птицы, пойманной в золотую клетку избыточного благополучия, то в каком виде оно оборачивается благом? По-видимому, благом одиночество становится в виде такой ценности, как Уединение. Человечество устает от самого себя, от излишеств навязанного, избыточного общения, особенно в мегаполисах. И тогда Уединение оказывается желанной отдушиной, особенно необходимой для творческого сосредоточения.

«Ничего на свете не желая,
Он иным питал свою гордыню
Чем богатство, слава или страсть.
Но порою, где-то на чужбине
Родничок какой-нибудь
Святыней был ему,
И так и звал – припасть»
Райнер Мария Рильке

Припасть к роднику Уединения, увы, удастся немногим из нас, тем более, что для стремления к нему или, как говорят психологи, для такой мотивации, нужна еще и особая культура самосознания и самодостаточности личности. Этот особый стиль жизни присущ людям, которым всегда есть, о чем поразмышлять, а быть может, и помолиться в тишине.

«... Теперь я так устал, что мне трудно жить с людьми и мои былые чувства стали для меня драгоценностями.

Я открываю самому себе свое сердце, точно витрину, и рассматриваю одну за другой мои влюбленности, которые никто, кроме меня не узнает. И вот об этой-то коллекции, которая мне теперь дороже всех остальных, я говорю себе, хотя и без малейшей боли в сердце, что расставаться с ними мне будет невесело», Марсель Пруст.

Крутой нрав подлинного, а не мнимого одиночества – это очевидная проблема не только психологическая, но и социальная. Если в первобытные времена изгнанием из общины наказывали за те или иные прегрешения, т.е. стать изгоем было подобно смерти, то теперь одиночеством можно заплатить за свой высокий социальный статус, когда у тебя нет и не может быть ни друзей, ни приятелей – по определению. Чем тяжелее «шапка Мономаха» власти, тем горше и тяжелее ноша одиночества. Если гениям этот крест, как правило, по плечу, то не всегда он по силам президентам.

Наверное, умение справляться с одиночеством – это знак особого избранничества, и тогда оказывается, что для такого умения человек должен обрести самодостаточность. До наступления эры TV, а тем более – Всемирной Паутины – Интернета обретению такой самодостаточности помогала хорошая компания – домашняя библиотека. Общению с добрыми и остро умными знакомцами – авторами любимых книг не всем из нас мешает суета сует на теперешних СМИ.

Хорошо, что команда поджигателей книг из повести Рэя Брэдбери – «451° по Фаренгейту» пока еще не добралась до наших домашних библиотек.

Но виртуальная власть интернета, наркотическая зависимость от команды новых «айфонов» способна выполнить эту роль – отчуждения от вечных ценностей.

VII. ПРЕКРАСНОЕ и БЕЗОБРАЗНОЕ: их связь – закон контраста?

Все ли ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРЕКРАСНО? Безобразное, и КОМИЧЕСКОЕ могут нести эстетическую и художественную ценность? И почему только через закон контраста нам открывается «Удивительное рядом» - величие Прекрасного или бездны безобразного? Если все возникло из ХАОСА, то и безобразный хаос (БЕЗ – ОБРАЗНЫЙ, ударение на О) может быть прекрасен?

“...когда читатель следит за героем,

За его кульбитами, выкрутасами, слезами горя и счастья...его, читателя, главное, что интересует? Жива ли душа в человеке останется? Или нет? Жива ли она? Или нет? Иными словами – есть ли всё-таки Бог там, наверху или нет его вовсе? Вот на единственный этот наш вековечный вопрос искусство и отвечает последние несколько тысяч лет»

Дина Рубина

Представим себе на мгновение, что мы готовы согласиться с мистической гипотезой: природа способна мстить человеку за все то зло, которое он сотворил по отношению к собственной матери Земле и отцу Океану. Реки, превращенные в сточные каналы, моря и океаны, низведенные до уровня мировой свалки. Наконец, околоземный космос, заваленный тысячами больших и малых остатков, обломков и отработавших срок спутников – «свальные грехи человечества». Если ураганы и тайфуны с прекрасными и нежными женскими именами Катрина, Офелия и Рита способны продемонстрировать человеку всю разрушительную мощь океана, то землетрясения, наводнения, вулканические извержения оставляют по себе картины пострашнее последних дней Помпеи. Это хаос не созидания, а хаос разрушения как прелюдия к краху цивилизации.

Но если отринуть от себя предчувствие этого краха, в котором погибнут и шедевры человеческого гения, и дети, еще не успевшие ничего сотворить, кроме радости для своих родителей, наши дети и наши внуки, из самых желанных и долгожданных...

Если отбросить от себя знаки этой беды и попробовать обратиться к проявлениям созидательной мощи и величия природы, то оказывается, мы еще можем успеть полюбоваться не только привычными пейзажами умеренного пояса или субтропиков в курортных вариантах, но и прекрасным безобразием хаоса или ледовых торосов Арктики или долгими дорогами в дюнах песчаных пустынь. Вот здесь действительно – все, что естественно, то прекрасно. Только при условии девственной чистоты тех просторов, куда не ступала нога человека.

Прекрасны еще оставшиеся в живых те виды диких животных, которые с таким вкусом снимает Би-Би-Си, и те немногие из отечественных документов, у которых хватает сил и изобретательности в поисках способов для съемок. Как бы ни были безобразны сцены доедания гиенами объедков пира царя зверей – льва и его жен, они естественны, а потому ... прекрасны?

Широта, многозначность, емкость информации, заключенной в эту первую пару эстетических категорий, и затрудняет, и облегчает нашу задачу. Но если, во-первых, мы не забудем об открытом еще Августином законе контраста (вернее, более точно сформулированном, чем у очень древних греков), а во-вторых, согласимся, что не только Прекрасное, но и безобразное является эстетической ценностью, тогда соотносить позитив и негатив логически вполне допустимо.

Больше всего парадоксов, несовпадений и контрастов в том, что касается эстетических вкусов и пристрастий обитателей разных континентов, стран одного и того же континента и даже регионов одной и той же страны.

Как известно, нет единого эталона человеческой красоты, зачастую признаки красоты у разных рас или у различных этносов и национальностей могут быть прямо противоположными. Бледнолицый для индейцев – аборигенов Америки был равнозначен и некрасивости, и враждебности. В христианском мире естественно, что ангелы религиозных мифов прекрасны и бледнолицы, а подземный и подлунный мир чертогов зла – чертей и бесов разного рода – это зоны черноты и отталкивающего уродства, который так изобретательно представлен современными ужастиками и триллерами.

Хотя Мефистофель у Гете в Фаусте и вся разнотелая «бригада» бесов во главе с Воландом в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», выступают в облагороженном и даже привлекательном виде. А Воланд вообще столь импозантен во всем своем экстерьере даже тогда, когда перед сатанинским балом он превращается в слабого старикашку, которому Маргарита сочувственно смазывает рану какой-то жуткой мазью...

Здесь мы вновь обращаемся к внутренней противоречивости таких эстетических ценностей, как безобразие, низменное, комическое, которые могут нести в себе этический негатив, т.е. нравственное зло, но в то же время оставаться ценностью в эстетическом и в художественном смысле. Но очень важно не перепутать смыслы эстетического и художественного, которые часто отождествляются.

На самом-то деле художественное – это то, что подвластно человеку, а эстетическое может быть по масштабу уравнено с Космическим, ибо Вселенная прекрасна, потому как гармонична и целесообразна. Есть еще один важнейший признак, вернее свойство Прекрасного вообще, и прекрасной в своем непостижимом величии Вселенной в особенности, - ее атрибутом является Мера, точнее Со-размерность. В античности очень высоко ценился этот атрибут, а Платон ставил Мера даже выше самого Прекрасного, может быть, потому что у всей великолепной семерки древнегреческих мудрецов начиная с Клеобула мы находим схожие сентенции, или гномы. Итак, Клеобул: «мера – лучше всего», а Солон: «ничего слишком». Эти истины житейской мудрости, кажется, касаются только этических норм поведения или эстетики этикета. На самом же деле этика (не мораль, а нравственность!) так тесно связана с эстетикой, что все, что мы относим к такой первой тройке добродетелей, как Мудрость, Мужество и Справедливость, - прекрасно. А все, что является антитезой добра и в эстетике оказывается дисгармоничным, т.е. безобразным. Следует добавить странную особенность всего безобразного, которое, будучи выраженным, через комическое, несет в своем потенциале гораздо больше красок, чем Прекрасное!

Ведь есть комедия характеров и комедия положений, или буффонада, есть остроумие как проявление остроты ума и, наконец, чувство юмора, с которым, говорят, надо родиться, т.е. это – щедрый дар природы. Но почему на челе христианского Бога мы никогда не видим улыбку? Еще один вечный вопрос.

У Прекрасного меньше красок, у Добра меньше нарядных одежд, а у Зла так много масок и такой ассортимент красок! Как видим, и здесь парадокс, который именуется эстетическим, но не этическим.

В литературоведении есть такое понятие, как поэтический оксюморон. Вот несколько его образцов, которые приводит автор статьи «Эстетика парадокса»:

- В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь
А. Пушкин
- Или:
- Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг
М. Лермонтов
- Или:
- Что делать страшной красоте
Присевшей на скамью сирени...
Б. Пастернак
- Или:
- Смотри, ей весело грустить.
Такой нарядно обнаженной
А. Ахматова

Придется согласиться с тем, что «в оксюмоне» есть нечто неизъяснимое для аналитического подхода, стоит попробовать разложить на детали анатомическую целостность этих строк, как исчезает и их обаяние и их тайна. Ведь в них живет, пульсирует, захватывает нас парадоксальность самого бытия, которая открывается только поэтам и мудрецам, не лишенным поэтического слуха, который сродни музыкальному, а потому, увы, стоит лишь искренне пожалеть тех, кому «медведь на ухо наступил».

Волшебное мастерство, с которым художник (поэт или прозаик) способен изобразить какую-нибудь скандальную сцену (вроде встречи братьев и папеньки Карамазовых в монастыре, в Оптиной пустыне у старца Зосимы), вызывает у нас восхищение. По мысли Кагана: «Так изображение безобразного оказывается косвенным утверждением прекрасного». В том-то и секрет и тайна подлинного, а не мнимого искусства, т.е. феномена художественного, что оно сотворяет иное бытие, производит удвоение бытия. И даже утроение бытия через экранизацию или любые виды интерпретаций. Удвоение – силой и игрой фантазии и воображения, проникновением и «ясновидением» госпожи интуиции создается свой мир, или Гренландии, - мир Александра Грина, или лемовского Соляриса, который так непохож на Солярис Андрея Тарковского. А через «Ночных дозоров» или «Кочегара» (фильм режиссера А. Балабанова) и римейков фильмов, им подобных в стиле экшн? Это тоже удвоение бытия? – спросите Вы. Нет ответа? Каким будет полдень XXI-го века?

VIII. ЧТО ЕСТЬ БЛАГО?

Основной вопрос учения о ценностях – аксиологии. А отсюда вновь: Что есть СМЫСЛ БЫТИЯ, но уже не моего или твоего, а всего ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? Почему «Многая мудрость – много печалей?» - как сказано у Экклезиаста? Почему триада ценностей: ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА не всегда удерживаются на позитиве? Отчего то, что истинно – может НЕ БЫТЬ прекрасным? А КРАСОТА так часто далека от добродетели? А ДОБРО в виде СВЯЩЕННОГО может не быть истинным? А потому сократовский вопрос «ЧТО ЕСТЬ БЛАГО?» остается вечным, и, наверное, это само по себе тоже есть БЛАГО.

«Сегодня ночью я смотрю в окно
И думаю о том, куда зашли мы ?
И от чего мы больше далеки:
От православья или эллинизма ?
К чему близки мы ? Что там, впереди ?
Не ждёт ли нас другая эра ?
И если так, то в чём наш общий долг ?
И что должны мы принести ей в жертву?»
И. Бродский

«Служение науке?»; «Служение просвещению?»; «Служение искусству?»; «Служение Богу?». Или «Прислуживание Богатству?».

И вообще – благо ли любое служение, даже если это есть служение всего лишь семье и детям? Еще в эпоху средневековья триада понятий: «Истина, Добро, Красота» вошли в философский обиход и до сих пор держатся на позитивной основе: Истина прекрасна и добродетельна, Добро истинно и прекрасно, а Красота истинна и добродетельна. Для двух мыслителей европейского средневековья отношение к благу верования означало разное! Если Ансельм Кентерберийский признавался: «Верую, чтобы понимать», то Пьер Абеляр, напротив, утверждал: «Понимаю, чтобы верить», а Тертуллиан: «Верю в то, что абсурдно».

После Ницше с его переоценкой христианских ценностей и после Шарля Бодлера с его поэтическим осознанием «Цветов зла» стало очевидным (как показал Макс Вебер), что «прекрасное может не быть добрым», «истинное может не быть прекрасным», а «священное может не быть истинным».

До появления в XIX веке такого особого раздела философии, как аксиология, знаменитое сократовское вопрошание «Что есть благо?», которое часто отождествляют с вопросом «Что есть добро?», становится основным для аксиологии, душа которой этика.

Современное «поколение next», почти не читающее книг, ориентированное если не на компьютерные игры, то на обязательное пользование компьютером, а для продвинутых – сетью, т.е. Интернетом, которое называют «всемирной паутиной» или «седьмым континентом». Естественно, что для них благом является информация и виртуальное общение в так называемом свободном информационном мире. Виртуальное общение в Интернете для них не призрачное, а реальность, в которой никогда вживую не видевшие друг друга молодые люди влюбляются и даже женятся. А общение через мобильную связь, когда «SMS»-ки с их телеграфным стилем не несут интонаций, а только выжатую до лапидарности информацию – стало не просто модой, а необходимостью. Уходит, уходит в прошлое искусство эпистолярного жанра – длинные письма (с оттенками эмоций и подтекстами раздумий) заменили стилем коротеньких записок. Например, «буду, поезд, вагон или рейс такой-то» перешли в журналистику, которая заголовками типа «Чемодан, вокзал, Киев» или «Чемодан, вокзал, Москва» провожает неугодных политиков и их сторонников. Но все это – «суета сует и всяческая суета», как сказано в Евангелии. Там же, у Экклезиаста, парадоксальная мысль: «многая мудрость – много печали» или «много знаний умножают скорби» - это к тому как раз, что «истинное может не быть прекрасным».

Так ценность образованности и эрудиции могут быть обесценены, ибо не всегда сопровождаются подлинной нравственностью, душевной тонкостью и тактом. Череду таких несовпадений, амбивалентности и противоречий, которые содержатся в потенциале самых высших ценностей, т.е. несут в себе не только Благодеяние, но и угрозу злодеяний, мы находим и в таких ценностях, как Истина, и Добро, и Красота, и Свобода, и Любовь. «Людам еще нужно разобраться в самих себе. Создавать искусственный интеллект человечеству пока рано и опасно, считают ведущие российские фантасты. Нет смысла создавать свои подсобия, пока мы не реализовали собственный потенциал интеллектуального развития». Каждая эпоха подбрасывает в костер, где сгорают наши иллюзии, новые охапки хвороста или всего лишь отдельные веточки наших надежд. А потому мучительный вопрос «Что есть Благо?» остается вечным, и наверное, это само по себе тоже есть благо.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Проклятие вечных проблем, как ни странно, несет в себе столь же благотворный потенциал, сколь бывают более мощными и более динамичными не стимулы, а именно антистимулы. Как известно, связующей красной нитью через все творчество Достоевского проходит мысль: «через Страдание – к Радости».

Наверное, независимо от того, в какую эпоху и в какой стране нам довелось родиться и осознать себя как личность, искать ответы на эти вечные вопросы приходится наедине с самим собою – ведь они константы человеческого, а не растительного и не животного бытия!

Независимо от пола, социального статуса, национальной или религиозной принадлежности, независимо от возраста и от темперамента эти вопросы сами находят нас даже тогда, когда мы все еще не готовы к ответу.

Наверное, прежде всего следует сразу признаться, что конечно, автор себя (как и самых доброжелательных читателей) не может считать носителем абсолютных истин по избранной им теме. Даже выбор (или подбор?) «Великолепной семерки» так называемых вечных вопросов вызывал у меня серьезные сомнения. А посему мне ничего не остается, как высказать некоторые предупреждения.

Во-первых, автору в течение около 40 лет довелось вести дискуссионный клуб СГУ – ТНУ, а потому ведение занятий и по общему курсу философии, и по этике и по эстетике, а теперь – и по аксиологии (будь это лекция или семинар) по стилю – более проблемный, т.е. дискуссионный, чем дидактический. Отсюда постоянное стремление к диалогу как внутренний протест против монополизма и у себя, и у своих коллег.

Во-вторых, в свое время у автора была такая страница в биографии – уход из философии в журналистику, т.е. обретение другой профессии, увлечение театром и кинематографом, первые опыты рецензированием в жанре публицистики.

В-третьих, мне всегда был ближе стиль эссеистики, в котором так сильна французская школа философии – от Мишеля Монтеня до плеяды эпохи постмодерна, особенно Делез, Гваттари и Жак Деррида. Их философствование, обогащенное смелыми метафорами и самоиронией, так не похоже на строгую системность «академистов», т.е. тех, кто следует строгостям академического стиля.

И, наконец, в-четвертых, мой личный выбор «соавторов», на которых я ссылаюсь и в тексте, и в примечаниях, очень далек от требований академизма. Здесь хорошая компания единомышленников – и поэтов, и мыслителей, и писателей, и даже музыкантов. Пригласив познакомиться с их раздумьями над вечными вопросами, автор ясно отдавал себе отчет, насколько субъективен их выбор, а тем более – насколько **не бесспорны мои ответы на эти проклятые вопросы.** Меня несколько утешает мысль, что вряд ли возможно дать на них исчерпывающие ответы.